

#Диалоги

Бурносова
Владислава

Бурносова Юрьевна Владислава

#Диалоги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70251916

SelfPub; 2024

Аннотация

Самое ценное в нашей жизни – это диалоги. Сотканые из чувств и мгновений, они наполняют наше мироздание. Люди вовсе не делятся на хороших и плохих. Они делятся на тех, кто готов дарить тепло, и на тех, кто утратил веру в человека. Диалоги звучат кругом. Нужно лишь услышать.

Содержание

#Предисловие	5
#Пролог	8
#Диалог_1	10
#Диалог_2	16
#Диалог_3	17
#Диалог_4	21
#Диалог_5	23
#Диалог_6	25
#Диалог_7	26
#Диалог_8	37
#Диалог_9	43
#Диалог_10	47
#Диалог_11	51
#Диалог_12	63
#Диалог_13	68
#Диалоги_с_бабушкой	71
#Диалоги_из_науки	77
#Подслушано_на_парах	79
#Эпилог	84

Бурносова Владислава

#Диалоги

Моей бабушке, которая так и не смирилась с тем,

что в мире существуют правила.

Моим родителям, которые любят своё творческое нечто.

Моим учителям и преподавателям, которые так много в меня вложили.

Моим друзьям, которые научили верить.

Моим коллегам, которые доказали, что в этом мире всё ещё есть человечность.

#Предисловие

Однажды ночью моя бабушка вместе с подружками (было им лет по 15-16) угнала...мотоцикл. Самый что ни на есть настоящий. Просто хозяин мотоцикла был человеком не самым приятным, а тут он непредусмотрительно оставил своего железного друга у ворот. Тащили девчонки ночью этот транспорт и хихикали. Спрятали в ближайших камышах, где и залегли, ожидая развязки событий. К слову, песок сохранил следы от колеса, по которым хозяин и нашёл транспорт. К тому моменту, когда он, страшно ругаясь, снимал прицепившуюся к сиденью крапиву, девчонок уже и след простыл.

Бабушка смеялась, рассказывая мне эту историю, а я думала о том, что жить нужно так, чтобы улыбаться в старости.

Однажды я вошла в учительскую. Была зима, и солнце, покрасневшее от мороза, медленно просыпалось. У окна стояла Алёна Юрьевна, моя коллега. Казалось, что то самое солнце поделилось лучами, чтобы выкрасить её волосы в огненно-рыжий. Свет она погасила.

– Смотри, какой рассвет, – Алёна отодвинула жалюзи, приглашая меня подойти.

Раннее утро. Я стою в пальто и шапке, со сползшим шарфом и торчащими из кармана варежками, и смотрю на рассвет. На столе разбосаны тетради, красная ручка норовит упасть на пол, лёжа на самом краешке.

Мне двадцать один. Мой первый год работы в школе. Потом я увижу много рассветов, но помнить буду лишь один, тот самый, а ещё – счастливую и почему-то трогательную улыбку Алёны, стоящей у окна.

Алёна уволится в скором времени. Её улыбка – останется.

Шла зимняя сессия. Было очень тяжело. Помню, как я написала в соцсетях, что единственное, о чём мечтаю – выйти в поле и закричать. Через 5 минут откликнулась подруга и предложила вместо поля огромное замёрзшее водохранилище. На следующий день мы встречали зимний рассвет в парке на берегу водоёма.

– Кричать будешь? – спросила она.

– Нет, – ответила я, не в силах отвести глаз от неба.

Я помню, как бежала с работы под дождём, а навстречу мне бежали мои ученики. С небо лился поток, а они, мокрые, счастливые, обнимали меня, потому что полчаса назад сдали переводные экзамены.

Как после эвакуации всей школы из-за угрозы минирования меня обнимала моя старшая коллега. Дети были уже дома, всё самое страшное – позади, и я чувствовала себя такой маленькой, но защищённой.

Как мы с коллегой звонили в колокола после Пасхи, а потом, не дыша, везли в лампадке Благодатный огонь. И боялись, что воск зальёт свечу до того, как мы доедем. Доехали. Коллега так и заснула, глядя на огонёк...

Все эти диалоги, люди, ситуации живут в моём сердце. Од-

нажды их стало так много, что я поняла: им нужно нечто большее. Им нужно место, где каждый сможет прикоснуться, почувствовать, прочесть. Так и появилась эта книга. Здесь нет многого и многих, но есть, наверное, самое важное. Тепло. Доброта. И вера в чудо.

#Пролог

-Я здесь, господин.

Мужчина стоял, опустив голову. Очень давно он не был здесь, в мире, где есть время и пространство. Он не знал, сколько ему лет и как давно он совершенствует свой навык, сидя над бесконечным бумажным свитком. Но вот его призывали. Значит, время пришло.

– Скажи, сын мой, какой дар ты бы хотел получить?

Сидящий на троне знал ответ. Знал, потому что не раз наблюдал, как трудится этот человек, становясь мастером. Мужчина поднял голову и решительно сказал:

– Я хочу повелевать словом, господин.

– Что же ты сделал для того, чтобы я позволил тебе получить этот дар?

– Я писал. Сотни, а, может, и тысячи дней и ночей я писал, господин. Я оттачивал навык. Но каждую ночь написанное исчезало, что означало незрелость моего письма. Но вот уже десятки или сотни лет бумага хранит то, что написало моё перо. Я готов спуститься туда, где я нужен, господин.

– Ты ведь знаешь правила, одарённый? Ты можешь писать лишь правду. Только правду. И лишь те диалоги, те истории принадлежат твоему перу, которые люди сами расскажут. Ты можешь слушать. Ты можешь стать тем, чем пожелаешь: рекой во время ледохода, горой, на которой пасут-

ся стада овец, деревом, которое спасает путников в жаркий полдень. Но всё, что ты услышишь, принадлежит тем душам. И лишь с их согласия ты можешь писать.

Мужчина кивнул.

– Господин, что будет, если я влюблюсь? Я слышал, люди влюбляются, что приносит немало бед.

Старец помолчал, а затем сказал:

– Я отправляю тебя на Землю. Береги свой дар. Ищи. Ищи диалоги, ищи слова. Слово – это величайший дар, сын мой. Не потеряй его.

За спиной писателя раскрылись два крыла. Еще мгновение он стоял напротив господина, но вскоре исчез, и лишь лёгкая золотистая пыль, витавшая в воздухе, напоминала о том, что здесь кто-то был.

А старец встал, осторожно ступая, спустился вниз, открыл тяжёлую книгу в золотом переплёте и напротив имени улетевшего вписал лишь одно слово: «Писатель». Собрался уходить, но передумал, открыл ещё одну книгу, нашёл там имя, внимательно на него посмотрел.

– Влюбишься, говоришь... Люби, писатель. Это самое величайшее чувство. Чувство, не знающее преград. Люби. Это мой тебе подарок.

И напротив ещё одного имени он, чуть помедлив, написал то же самое слово. Подождал, пока чернила впитаются в бумагу, и закрыл книгу, напоследок улыбнувшись.

#Диалог_1

Я стал писателем. Писателем, книги которого читают, чьи тексты разбивают на цитаты, бережно передают из рук в руки. Я наблюдал, слушал. Я искал диалоги. Порой на поиск одного диалога уходили годы, но я не жалел о потраченном времени. Повинуясь своему господину, я ничего не придумывал. Я лишь переносил на бумагу реальную жизнь. Девушку, которая стояла напротив меня, я встретил случайно. Она бежала куда-то, перепрыгивая лужи. Случайно зацепила меня сумкой, извинилась и поспешила дальше. Не знаю, зачем, но я стал наблюдать. Я наблюдал за ней издали уже давно: я охотился за диалогами. За фразами. Чувствами. Жестами. А она говорила. Она слушала. Чувствовала. Переживала. Мне нужны были эти истории, жившие в её сознании. Она ни с кем ими не делилась, только носила в душе. Они нужны были мне со всеми болями, радостями, встречами и расставаниями.

На перроне столпились пассажиры. У каждого за плечами – рюкзаки. Кто-то тащил в руках сумки, из которых то и дело вываливался груз прошлого. Люди останавливались, долго думали, но затем почему-то наклонялись и поднимали свою боль.

Паровоз дал гудок. Поднялось влажное, удушливое облако пара. Растопленным металлом на пером тёк огненный

восход. Люди заторопились. Но в тот момент, когда алая небесная масса обрушилась на выбитую брусчатку перрона, последний пассажир вскочил, протиснулся в закрывающуюся дверь. Тем пассажиром была я. Я не взяла с собой ни одного чемодана. Глядя в окно, я случайно поймала в блаженно растёкшейся на перроне луже отражение поезда.

Я прошла в вагон. Пассажиры молчали. Многие разбирали сумки и раскладывали на столиках свои мысли, воспоминания, чувства. Чемоданы, набитые прошлым.

Вначале я слушала, вглядывалась. Но потом пошла быстрее. Голоса настигали, давили, заставляли чувствовать то злость, то стыд, то панику. Я выскочила в тамбур, закрыв за собой дверь. Голоса стихли. Только стук колёс метрономом отсчитывал время.

В соседнем вагоне – только один пассажир. Никаких чемоданов, лишь небольшая сумка. Самое ценное и самое тихое. Прощение и принятие.

А поезд стучал. За окном плыло солнце, раз за разом поглощающее вагоны.

Я уже было отчаялся, но неожиданно увидел её в этом поезде. Она брела мимо пассажиров, выскивая родственную душу. И почему-то подсела ко мне. Я не должен был здесь находиться: это был её сон. Её внутренний мир. Но господин не запретил мне превращаться в сон. И потому я сидел сейчас за столиком самого обыкновенного поезда и ждал. Мне нужны были слова.

– Я могу присесть? – спрашиваю я, указывая на место напротив пассажира.

Человек кивает, продолжая смотреть в окно. Если бы меня в тот момент попросили описать этого человека, я бы не смогла. И всё же было в нём что-то необычное. Может быть, меня поразило его спокойствие. А может быть, тишина вокруг него, которая казалось невероятно плотной.

Мне хотелось начать разговор. Да, я не знала этого человека. Но так интересно было узнать, кто он такой. Почему один едет в вагоне. И... что у него в душе.

– Простите, могу я узнать...кто вы?

Человек едва заметно улыбнулся.

– Кто я по профессии? Или по жизни?

– Ммм...второе.

– Как вам угодно. Ищущий.

– Простите?

– Ищущий. Я всё время что-то ищу. Например, ответы на вопросы. А порой – и сами вопросы.

– Почему для вас важны вопросы?

– Потому что в них порой скрыто гораздо больше, чем в ответах.

– Вы философ?

– Не совсем....

Мы говорили. Это такая роскошь в современном мире: просто сидеть и говорить. Время в поезде – своего рода проклятие, ведь каждый здесь остаётся сам с собой. Наш внут-

ренный мир – страшное открытие. Не каждый готов вот так нырнуть в себя, остаться и наблюдать, как мимо проплывает время. Но в разговорах сплетается всё: открытия, проклятия, мысли. Пустые звуки для одного и такие ценные минуты для человека, который ищет смысл жизни.

И я решилась на вопрос. Пусть человек добавит его в коллекцию самых глупых. Или (тут у меня сжалось сердце)... вдруг он сможет ответить? Вдруг сейчас, в эту самую минуту я на маленький шаг приближусь к тайне мироздания?

Она говорила. Спокойно и непринуждённо, но в то же время словно искала что-то в моих словах, пыталась зацепиться за мысли. Она тоже искала. Но, в отличие от меня, она искала истину. Истину, которой нет.

– Я хотела бы добавить вопрос в вашу коллекцию. Позволите?

– Как вам будет угодно.

Я знал, что она спросит. Этот вопрос давно мучил её, не давал спать, заставлял мучительно искать того, кто ответит. Она замялась, собираясь с мыслями, а потом, набрав полную грудь воздуха, быстро-быстро спросила, словно боялась, что вот сейчас, в эту самую минуту кто-то заберёт её возможность узнать правду.

– Если мы смотрим на всё с точки зрения христианской морали, то говорим, что зла в мире ровно столько, сколько допускает Бог. Что зло происходит из-за свободной воли человека, и только человек решает, как ему поступить. Где же

та грань? Где та черта, за которой наступает неизбежность?

Она осмелилась поднять взгляд на меня. Она долго носила этот вопрос в себе в тщетных попытках найти ответ. И тут не выдержала. Пусть. Пусть он задан не к месту. Пусть слова звучат, ложась тяжёлыми глыбами на идеально выстроенное мироздание. Она хотела знать.

– Внутри каждого человека, – тщательно подбирая слова, собеседник поворачивается ко мне, отрывая взгляд от пейзажа за окном.

Она нервно сглотнула, словно думая, спрашивать ли дальше. Ей было страшно узнать правду. Но и не знать она не могла.

– Объясните, – прошу я.

– У каждого из нас внутри есть свои границы. Как в обществознании, помните? Моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого. Так и здесь. Всё внутри нас, в наших жизненных установках, поступках, мыслях, чувствах.

Помолчали. Поезд – метроном отмеряет мгновения. Чух-чух. Чух-чух.

Неожиданно телефон в моём кармане зазвонил.

– У меня нет соцсетей, – сказал я, глядя на смартфон в её руках.

– А как же люди? – удивилась она, выключая телефон.

– Тот, кто мне действительно дорог, рядом и без соцсетей. Я просто их не понимаю. Не людей. Соцсети.

Она смотрела на меня и думала. Думала, примеряла. Словно к дорогой невесомой ткани, она прикасалась кончиками пальцев к моей философии. Казалось, что одно неосторожное движение, и ткань упадёт. Она будет падать медленно, наполняя пространство воздушными складками. Один вопрос. Одно слово. И ткань скроет магию диалога. Девушка замерла.

– Что именно не понимаете? Зачем выставлять жизнь напоказ?

– И это тоже. К тому же... Я прекрасно понимаю, что есть люди, которым я неприятен, и я не хочу, чтобы они смотрели на мои фотографии. Что касается остального... Не хочу. Не вижу смысла. Мне интересна жизнь моих близких, друзей, но для этого нужно живое общение, а не бесконечная лента в соцсетях.

И снова тишина. Только пыль клубится бесчисленными частичками.

#Диалог_2

#Вне_поезда

...– Как думаешь, где справедливость? – спрашиваю я у кутающейся в шарф подруги.

– А нет её. Я так для себя решила.

– Совсем нет?

– Совсем.

#Диалог_3

– Расскажите свою историю, – неожиданно попросил собеседник.

Я отрываю взгляд от окна, где пробегают минуты.

– Боюсь, та история, которая живёт сейчас в моей голове, вам покажется слишком сказочной.

– А она реальна?

– Да. Но поверить в неё слишком сложно.

– Почему вы решили, что я не поверю в эту историю? – спросил собеседник.

– Потому что так не бывает. О доброте пишут в книгах, но никто не видел это в реальной жизни.

– Может быть, потому никто и не видел, что мы перестали верить? – спросил писатель, доставая из рюкзака крошечное каланхоэ, усыпанное цветочками. – Извините, не удержался, взял с собой.

Я смотрела на цветок.

– Откуда вы... Я ведь даже не начала рассказывать историю.

– Люди – они как цветы. Их порой нужно поливать тёплыми словами, чтобы они росли и цвели, распуская робкие бутоны. Давайте считать, что я просто взял цветок с собой. А то, что он ваш... Совпадение. В мире ведь их так много. Случайности. Банальности. Но порой они такие странные,

вам не кажется?

– Кто вы? – спросила я у собеседника после минутной паузы.

Поезд ехал. За окном солнце заливало золотом поля, реки, леса. Жизнь продолжалась. Там. А в поезде замирали мгновения, останавливались, становясь минутной вечностью.

– Я писатель, – ответил я, поливая каланхоэ.

– Что же вас, как писателя, больше всего интересует? – спросила она, наблюдая, как струйка прозрачной воды каплями оседает на листиках растения.

– Люди.

– Объясните.

– Меня интересуют люди, их жизни, их внутренние миры. Бывает, встречаешь человека. Живёт, работает, вечерами смотрит телевизор. Но неожиданно его внутренний мир раскрывается перед тобой, и ты тонешь в невероятном океане из эмоций, чувств.

– Зачем вам мой мир? – спросила она.

– Я пока не знаю вашего мира. Видел лишь обломки, части, фрагменты. Но, если позволите...

– Эта история...она...слишком личная. Я не могу её доверить кому бы то ни было. И...вы сказали, что собираете диалоги. То есть...для вас люди – всего лишь материал для наблюдений? Простите, но это ужасно.

– Почему? – я заботливо вытер лужицу воды на полу. –

Потому что вам сейчас кажется, что я лезу в душу? Прошу то, чего нельзя просить?

Она нервно сглотнула.

– Да.

– Спасибо за честность. Подержите, – собеседник отдал мне каланхоэ и закрутил бутылку с водой. – Я ведь никому не желаю зла, не лезу со своей философией в чужие души. Я наблюдаю. Думаю. Чувствую. Примеряю на себя чужую философию. Делаю выводы.

– А потом?

– А потом пишу книги.

– Ваши книги популярны?

– Да. Но не все их читают.

– Почему?

– Потому что мало кто хочет размышлять. Это сложно. Порой больно. Наш внутренний мир – страшное открытие, правда ведь?

Я кивнула.

– Проще спрятаться от него за несущимся со скоростью света внешним миром, громкими фильмами, дорогими вещами. Но душа требует ответов, она задаёт вопросы.

Помолчали.

– Какая мысль, сказанная человеком, для вас самая интересная? – неожиданно спросила она.

– Все мы – ёжики.

– Что? – переспросила девушка, решив, что ослышалась.

– Все мы – ёжики, – спокойно повторил я и улыбнулся.

– И кто же это сказал? Вы?

– Нет. Хотя...как посмотреть. Хотите, я объясню эту мысль?

Девушка кивнула.

– Ёжик весь покрыт иголками. Он колючий, а в случае опасности и вовсе сворачивается клубочком, пряча свой носик. Вот только мало кто знает, что животик у ёжика мягкий. Так и люди. Наш мир спрятан, и лишь немногим дано увидеть тот самый животик – невероятный океан из эмоций и чувств, спрятанный глубоко внутри. Вы не обязаны рассказывать мне историю, если считаете её личной. Она ваша и только ваша. К слову, к нам кто-то пришёл.

Она опустила глаза. По проходу электрички важно шествовал большой ёж.

– Извините, а молока в вашей волшебной сумке не найдётся?

Поезд начал замедляться.

#Диалог_4

Мы вышли на перрон. Солнечные лучи заливали брусчатку, и казалось, что мир светится изнутри, словно в каждом растении, в каждой капле росы есть душа, готовая вырваться наружу. Зацепишь травинку – и она упадёт, разобьётся, расплескает свой невероятный внутренний мир. Только кто его заметит?

– Получается, люди в вашей философии делятся на хороших и плохих? – спросила я после паузы.

– Почему вы так решили? – спросил писатель.

– Вы ведь собираете диалоги. Но вы берёте для своих книг не все диалоги. Та история, которая живёт внутри меня... она про что-то неземное. Необъяснимое. Но, несомненно, тёплое и доброе. А наш мир наполнен болью. Переживаниями. Порой то, что мы видим, невыносимо. Разве человек, который рассказывает вам о боли, становится из-за этого плохим? Чем его монолог хуже моего, пусть ещё и не высказанного?

Собеседник молчал, слушая меня.

– У каждого есть свой внутренний мир, вы ведь сами говорили. Получается, – она перешла на шёпот, – если вам не нравятся вопросы, которые задаёт человек, о которых кричит его душа, то он становится плохим?

Мир вокруг неё подёрнулся маревом. Она потеряла ори-

ентация во времени и пространстве, ощущала лишь поток сознания, который, как некогда рассвет, огненной лавой выплёскивался на перрон, словно кто-то раскачал сосуд с её мыслями.

Я молчал. Сквозь ослепляющее солнце она, стоящая на перроне, видела, как я иду вперёд, но не тронулась с места.

– Ответьте, – уже тише попросила девушка.

– А вы? Вы готовы принять всех? Каждого человека на этой земле? С его болью, обидами? С его моралью? – спросил я, не оборачиваясь.

– Вы сказали, что все мы ёжики...

– Сказал. Но вы готовы искать эту душу? Или вы отвернётесь, едва дотронувшись до колючек?

Поезд тронулся. Я вскочил на подножку..

– Самое ценное в нашей жизни – это диалоги. Сотканые из чувств и мгновений, они наполняют наше мироздание. Люди вовсе не делятся на хороших и плохих. Они делятся на тех, кто готов дарить тепло, и на тех, кто утратил веру в человека. Диалоги звучат кругом. Нужно лишь услышать.

Падали слёзы в раскалённое солнце. Шипя, они становились облачками пара. Он был прав. Я не готова. Я сама свернусь в клубочек, только бы не видеть, не знать, не чувствовать.

Опомнившись, я вскочила в последний вагон.

#Диалог_5

А на столике стояли ромашки. Через прозрачные стенки кувшина я видела, как вода колышется среди тонких стебельков. Вагон был пуст.

Я вытерла слёзы рукавом платья, присела и стала смотреть, как солнечные блики играют на белоснежных лепестках ромашки.

На мгновение мне показалось, что тонкое стекло отразило ещё одного человека. Возле окна, там, где в рассветных лучах клубилась пыль, стояла девушка. Ветер играл с её волосами и... со струнами скрипки, которую девушка держала в руках. Но неожиданно тонкая белая занавеска встрепенулась, и девушка исчезла, словно испугавшись.

– Кто вы? – тихо спросила я.

– Диалог. Воспоминание. Просто слова.

– И вы... Вы хотите рассказать мне историю?

– А ты готова слушать?

– Конечно.

Неожиданно всё застыло. Перестал качаться поезд. Занавески, поднимаемые ветром, опали. Что-то происходило. Мелькали какие-то лица, люди, дома. И тут картинка замедлилась. Я стояла возле кирпичного дома, из которого выходила девушка. Господи, как похожа на меня...

– Мама? – спросила я тихо.

– Да, – ответил голос. – Твоя мама. Ей 17, она поступает в университет. Телефона дома нет, бегают звонить, чтобы узнать результат, через две улицы. Ждёт, переживает. А линия всё занята и занята..

Старый бабушкин дом. Собака, которую я помню из детства. Молодая бабушка, дед. И мама, теребящая от волнения волосы.

Я их видела. Люди. Ожившие фотографии. Они пережили, ждали, надеялись.

Стало смеркаться. В вагоне потемнело. И в свете уличного фонаря я видела нашу учительницу по химии, которая бежала к дому моей бабушки с огромным букетом ромашек. Это к ней мама ходила звонить. И это она несколько часов не отходила от телефона, звонила, чтобы сказать моей молодой маме заветные слова: она поступила...

#Диалог_6

#Вне_поезда

– Назови мне самое главное слово в твоей жизни.

Я задумываюсь.

– У меня их два. Первое – это доброта. То, в чём мы так сильно нуждаемся.

– А второе?

– Книга.

– Почему книга?

– Потому что в ней собраны ценные мысли, в которых мы нуждаемся не меньше, чем в доброте.

#Диалог_7

– Я видела воспоминание, – девушка стояла напротив меня, прижимая к груди букет ромашек. Она запыхалась, волосы, до этого идеально расчёсанные, были разбросаны по плечам.

– О чём?

– О доброте, – она смахнула прядь волос с лица и присела, положив цветы на столик. – Вы сказали, что вы писатель.

– Да, – я с нескрываемым интересом посмотрел на неё.

– Должна признаться: я ... тоже. Но я не умею писать.

– А пробовали?

– Да, – она всё ещё задыхалась от быстрой ходьбы.

– О чём же вы писали? – спросил я.

– О людях. О чувствах. О воспоминаниях.

– Ваши истории популярны?

– Нет.

– Почему?

– Потому что я не могу рассказать свою душу. Точнее, не могу описать всё то, что со мной происходит. Нет, могу, конечно, но не так, как хотелось бы. Плохо получается. И... я хочу рассказать вам историю. Хочу, чтобы её написали вы. Меня никто не будет слушать, я кричу в пустоту. Но вы писатель. Вы повелеваете словами. А я лишь чувствую. Но хочу, чтобы и другие чувствовали. Только, боюсь, вы не

поверите мне.

Я не стал говорить ей, что знаю эту историю. Я видел её. Слышал. Когда это всё происходило, я сидел на полке шкафа за спиной девушки. Эта история и привела меня к ней. Но я не смел в этом признаться. Девушка должна была сама рассказать. Таково условие. Я могу написать лишь то, что мне отдали добровольно. Это своего рода плата за талант: ты можешь видеть, слышать, чувствовать, но обязан носить в себе до того момента, пока человек не отдаст свой груз души. Что будет, если я нарушу клятву? У меня заберут право голоса, мой бесценный дар, мой кислород.

– Вы ведь написали её, верно? – сказал я, нарушая молчание.

– Да, – девушка кивнула, подумав, открыла маленькую сумочку, которая была переброшена через её плечо, и достала блокнот. – Прочтите.

Я взял блокнот из её рук и углубился в чтение.

#1

Кактус, который и стал героем этой истории, жил в самом обыкновенном цветочном магазине. Он с любопытством наблюдал за продавцами, которые поливали его, и с интересом вслушивался в их диалоги. Они говорили о погоде, о ценах, о прочих непонятных вещах. А на улице всё время бежали люди. Они торопились, ругались и крайне редко улыбались. А как можно хмуриться, когда на тебя падают капли дождя? Этого цветок никак не мог понять.

Вскоре звякнул дверной колокольчик, и на пороге появился покупатель. Он о чем-то долго говорил с продавцом, а потом нашего героя поставили на большой поднос вместе с другими кактусами и вынесли на улицу, чтобы после короткой поездки на машине вновь занести в помещение.

Здесь было шумно, но кактусу почему-то в этом здании понравилось. Наверное, потому, что здесь были дети, а они, как известно, умеют улыбаться. Кактус схватили детские ручки, куда-то понесли, и вот маленькие ладошки робко передают его в другие, взрослые руки. И эти руки ставят его на полку возле окна.

– Мария Ивановна, а у вас новый питомец? – слышит кактус голоса.

– Да, – говорит голос, которому принадлежали большие руки.

– А давайте дадим ему имя!

– Ну... пусть будет Петей! Мне почему-то кажется, что ему подходит это имя, – руки ставят кактус ближе к свету.

Кактус от гордости растопырил иголки. Теперь у него есть **ИМЯ!**

Так Петя стал жить в кабинете русского языка. У него была очень важная миссия: он стерёг тетради на книжной полке и колол всех, кто без разрешения учителя пытался что-то взять. А ещё он слушал и чувствовал. И постепенно внутри него зародилась Душа. И уж поверьте, она была куда больше души человека, способного на ложь и обман.

Иногда к хозяйке кто-то заходил. Тогда кактус от любопытства подползал к самому краю полки и выглядывал.

Из разговоров Петя ничего не понимал. Но от людей, которые приносили свои беды и радости, веяло теплом. Душевым теплом, которое так редко чувствовал кактус в людях. А ещё он почему-то ощущал, что для хозяйки эти люди важны. Интересно, почему?

Люди говорили. Говорили долго. Кактус слушал. Порой хозяйка заваривала чай с мятой, и по кабинету плыл уютный травяной аромат.

Однажды Петю отнесли в гости к другому кактусу в кабинет биологии.

– Ой, какой ваш питомец толстенький! А мой вот... только в высоту чуть-чуть растёт.

Петя гордо расправил колючки. Да, его всегда хорошо поливают, от жаркой батареи убирают. И по весне хозяйка обещала его в новый большой горшок посадить! И тогда он каааак вырастет!

#2

А по весне у Пети появилась подружка. А если точнее, то младшая сестрёнка. Мальчик что-то говорил, краснея, а потом отдал хозяйке пакетик и убежал. Из пакетика достали... каланхоэ. Крошечное, хрупкое, с россыпью маленьких цветочков.

– Вот, Петя, это твоя младшая сестрёнка. Будешь защищать, – сказала хозяйка, поливая цветочек.

Дети столпились вокруг стола.

– А как вы его назовёте? – спросила девочка с двумя косичками.

– А давайте вместе придумаем ему имя, – предложила учительница.

– Ммм... Пусть будет Полиной! – сказала всё та же девочка.

– Петя и Полина. А хорошо звучит, – сказала другая девочка, отодвигая каланхоэ подальше от края стола. – Вам нравится?

Хозяйка улыбнулась, обнимая своих учеников.

Когда хозяйка уходила к коллеге, кактус засыпал. Он знал, что быстро она не вернётся. Порой хозяйка рассказывала ему, что все заходят друг к другу ровно на минуточку, но всегда остаются. Кто-то делится радостью, кто-то – переживаниями. Петя думал. Получается, что все они – хорошие люди? А какие люди тогда плохие?

Прошёл месяц. Хозяйка была расстроена. Всё-таки люди – очень странный народ. Всё время из-за чего-то расстраиваются, нет бы радоваться солнышку, как это делают кактусы!

Даже здесь, в тишине просторного кабинета, хозяйке казалось, что она слышит разговор разгневанной мамы ученика с учителями. Откуда в людях столько ненависти друг к другу? Почему не могут они признать свои ошибки?

Дверь скрипнула. К хозяйке вошла коллега. Кактус растопырил любопытные уши, которые были спрятаны за длин-

ными иголками.

Женщина присела возле хозяйки кактуса. Петя почувствовал, что она принесла какую-то новость. Что-то столь ценное, что хочется передать бережно, с рук на руки, как хрупкий сосуд, боясь расплескать.

– У меня для вас новость есть хорошая. Отвлекитесь от своих грустных мыслей.

– Какая?

– Вы про нашу Марию Петровну знаете?

– Что? Что-то случилось?

– Я же сказала, что новость хорошая, не волнуйтесь. Она... мамой стала. Девочку удочерила. Сегодня забирает из больницы.

Кактус утонул в эмоциях хозяйки и её коллеги. Не знал он, что можно чувствовать так много!

– Господи... как я рада за неё, – прошептала хозяйка кактуса.

И Пете показалось, что померкли звуки вокруг. Что нет больше разгневанных родителей учеников, сплетен, плохой погоды. Есть крошечное счастье в сердце одного человека, который стал мамой, тихим ветром проникавшее в души всех людей, сидящих в школе. Он не мог это видеть, но он чувствовал, как из кабинета в кабинет заходят слова. Как ставятся на стол чашки, как откладываются телефоны. Как... улыбаются люди.

...– Полина, – услышал Петя голос и проснулся, сонно

моргая. – Дочку Марии Петровны зовут Полина.

С того момента, когда хозяйке сообщили новость, прошло несколько дней. Но в школе всё ещё сохранялось тепло, которое с порога окутывало входящих. Рядом с хозяйкой стояла другая учительница и что-то рассказывала.

– ...И родилась она за несколько дней до 8 Марта.

Петя посмотрел на крошечное каланхоэ, усыпанное множеством цветочков. Полина. Его сестрёнка, принесённая мальчиком 7 марта...

– И знаете, что самое трогательное в этой истории?

Я оторвался от чтения.

– Совпадение имён?

– Не только. Все берегли счастье Марии Петровны так, словно оно было их собственное. В каждом ведь коллективе есть нехорошие люди, сами понимаете. И одной такой женщине никто ничего не рассказывал. Все молчали. У каждого были свои обиды и ссоры, но, несмотря на это, все встали вокруг человека невидимой стеной.

Мы помолчали. Поезд стучал.

Я не знал, что сказать ей. История звучала наивно. Нереально. И только я знал, что всё это было. Как сказать ей об этом? Да и стоит ли говорить?

– Эта история звучит... глупо. Наивно. Странно. Но вы... вы ведь писатель? Напишите об этом книгу, – неожиданно попросила девушка. – Никто никогда не поверит, что это правда. А в книге возможно всё. Пусть хотя бы там живёт

каланхоэ. Вы знаете, я потом пересадила и Петю, и Полину. И Полина покрылась невероятной красоты бутонами. Её отросточек я отдала коллеге, которая новость и рассказала. И он тоже зацвёл. Робко, несмело, вытянув маленькие, но крепкие ручки – листики. Расскажите. Вложите то, что я не смогла передать словами. Вам поверят.

– Не могу, – сказал я.

Девушка непонимающе посмотрела на меня.

– Не могу. Я не должен. Вы правы: это ваша личная история, понимаете? Такое не рассказывают. Такое берегут. Есть чудеса, о которых молчат. Молчат, чтобы потом увидеть вновь. Расскажите – вам рассмеются в лицо. Люди, увы, жестоки.

Она встала, взяла ромашки и пошла к выходу.

– Подождите, – я бросился за ней. – Вы сказали, что писали другие истории. О чём они?

Она меня не слышала. Я пробирался через брошенные на пол чемоданы, спотыкался, цеплялся за рюкзаки. Магический реализм. В мире литературы это называется именно так. Она права: это то, о чём говорят только в книгах. Редчайшее явление, ценнейший дар. То, во что невозможно поверить, пока оно не произойдёт с тобой.

Люди, сидящие в вагонах, говорили, спорили, кричали. Из рюкзаков выбирались их призраки прошлого: воспоминания, обиды, страхи. Страшные уродливые существа, которые душили собственных хозяев. И неожиданно я, добрав-

шлись до края вагона, спросил сам у себя: а я готов? Я готов принять любого человека? Или я тоже выпущу колючки, спрячусь, стану ёжиком?

Я нашёл её в самом конце последнего вагона. Она стояла на крошечном огороженном балкончике, обнимая ромашки. Запыхавшийся и запутавшийся, я распахнул дверь. Поток летнего ветра словно пробудил меня ото сна, и я понял: если я не напишу её историю, то больше не смогу написать ничего. Вот только... что это будет за история?

– Подождите, – выдохнул я. – Вы сказали, что хотели писать. Если бы прямо сейчас вам предложили создать книгу, о чём бы она была?

Я задумалась.

– Знаете, однажды я видела невероятный сон. Была тёплая осень. Вечер. Светили фонари. Я помню старинное здание из кроваво-красного кирпича, расположенное на углу, и листья, что парили в воздухе, медленно опускаясь на лужи. Я шла по улице, наслаждаясь воздухом, когда впереди заметила девушку. В её футляре была скрипка. Улица сузилась, и вот мы идём почти рядом. Случайно я зацепила рукой футляр, и мир, до этого мерный, спокойный, неспешный, неожиданно завертелся, увлекая меня. Я видела её воспоминания. Не мои, а этой девушки. Какие-то люди, страницы из книг, мелодии... Всё закончилось так же неожиданно, как и началось: я обнаружила, что сижу под раскидистым клёном, который заботливо укрывает меня опадающими листьями.

Вокруг продолжали бежать люди, но тот человек, которого я хотела увидеть в толпе, исчез.

– *Это была девочка со скрипкой?*

– Да... Каждый раз, закрывая глаза, я вновь и вновь проживаю этот сюжет. Вижу клён, девочку, скрипку. Но не могу ничего написать.

– *Почему?*

– Опыта нет. Посмотрите, вы взяли с собой в дорогу небольшой рюкзак. Там нет обид, отчаяния, предательства: всё это вы смогли простить, принять. Но там есть опыт. Опыт, без которого вы бы не стали писателем. А я села в поезд с пустыми руками. Чемоданы с потерями и обидами я оставила дома, но они так и не стали тем бесценным, что потом позволило бы мне писать, понимаете?

Я почувствовал тяжесть за плечами. Действительно, там был небольшой рюкзак. Мой рюкзак, где до этого было каланхоэ. Сейчас там кто-то копошился, временами посапывая.

– Я дарю вам сюжеты. Заберите. Возможно, люди когда-нибудь повзрослеют, снова начнут читать книги и верить в сказки, и тогда я надену уже свой рюкзак, возьму тетрадь, ручку и отправлюсь в путешествие по собственным мирам. А пока я дарю это вам.

Поезд замедлился. Я осторожно спрыгнула на насыпь. Когда за плечами нет груза прошлого, так легко уйти.

Я видел, как её соломенная шляпка мелькала в высо-

кой траве. Поезд тронулся. Я остался наедине со своими мыслями. Но издали успел заметить, что девушка вдруг остановилась. Интересно, почему?

Я стояла в густой траве. Где-то вдалеке сосновый лес шелестел иголками, скрывая от глаз живой мир с его мерным ритмом жизни. Моё же сердце билось часто-часто, ещё мгновение – и оно выпрыгнет из груди. Напротив меня, придерживая соломенную шляпку, которую так и норовил сорвать ветер, стояла девушка. Ветер развеивал её волосы, играл с завязками платья. К себе она прижимала скрипку.

#Диалог_8

Мимо меня пробежали леса. Города сменялись полями. Пухлая луна всю ночь светила на железнодорожные пути, словно помогая фарам поезда, а потом скромно опустилась за облака, уступив место солнцу. А я стоял на всё том же балкончике и думал. Я должен был написать роман. Роман о девушке, чья душа вмещает так много, что появляются огромные неизведанные миры, куда можно попасть, лишь дотронувшись до скрипки. Скрипка...Тряхнул головой, отгоняя наваждение. Я получил разрешение, она сама отдала мне историю. Договор не будет нарушен.

Я развернулся, чтобы войти в вагон. От долгого стояния спина затекла, и мне пришлось приложить немало усилий, чтобы дотянуться до ручки двери. Пассажиры спали. Спали их страсти, беды и страдания. Бледный утренний луч лениво скользил по вагону, выхватывая лица, словно прожектор.

Один мужчина спал, положив голову на листы бумаги. Несколько черновиков упали на пол, и теперь ветерок шевелил их, временами переворачивая. Стружки от карандаша, сломанный грифель. Художник. Я замер, глядя на набросок. Среди лёгких карандашных линий проступали чёткие очертания девушки, стоящей в высокой траве. Ветер шевелил её волосы, норовил сорвать шляпку. Одна рука её была опущена вниз, да так, что пальцы почти скрылись в траве. Но

скрипка, небольшая, изящная скрипка всё же проступала.

– Вы не имеете права... Это моя история, – прошептал я, поднимая рисунок так бережно, словно я держал не лист бумаги, а нечто хрупкое, неземное. – Она сама отдала эту историю мне, а не вам.

– Если бы она отдала эту историю мне, рисовал бы я наброски? – хриловатый голос художника заставил меня вздрогнуть.

Пожилой седой мужчина выложил на стол ещё несколько изображений. Я ахнул. На них моя новая знакомая стояла на балкончике в самом конце поезда и смотрела вдаль. Вокруг неё простирались бескрайние просторы. Дверь тамбура была едва открыта, и на ручке угадывалась мужская рука. Моя рука.

А вот девочка со скрипкой стояла на берегу моря. Она играла, и под звуки музыки кружились белоснежные чайки. Мне казалось, что ещё секунда, и море оживёт, зашумят волны, а вагон наполнится звуками скрипки.

– Почему... почему вы не закончили скрипку? – спросил я, глядя на набросок. – Здесь не хватает одной линии.

– Вы ведь сами сказали, что это не моя история. Но, уж простите, я не мог удержаться от набросков. Зато вы можете написать.

– Про скрипку? Я не знаю, о чём там писать. Это не моя история. Скрипка – это символ души. Нечто запретное, куда невозможно заглянуть простым смертным.

– Мы не простые смертные, сам ведь знаешь.

– Знаю, иначе я не спрашивал бы разрешение! Не сидел бы на полке, покрытый колючками, – я почесался. – Но всё же это её душа. Не моя. Что я напишу? Какими историями наполню книгу?

Помолчали. Я рассматривал наброски. Вот на берегу моря девочка в голубом сарафане собирает ракушки в огромную корзину. А вот та же самая девочка сидит на покатом валуне. Звёздная ночь. Ровная водная гладь. А на следующем рисунке... Я поморгал, надеясь, что это было лишь видение. Посреди моря стояла та самая девочка, и сквозь её сарафан текло море. Она словно сливалась с водной стихией, становясь одним целым. Это зрелище пугало, но почему-то заставляло вновь и вновь смотреть на набросок: на огромные глаза девочки, на её густые волосы, собранные в две длинные косы.

– Кто она? – спросил я, не в силах отвести взгляд.

– Несостоявшаяся книга. Плод воображения. Фантазия. Она видела. Видела, словно наяву, и девочку, и валуны, и море. К слову, красивая история. Жуткая, но красивая. Она мечтала её не написать. Нарисовать.

– И? Нарисовала?

– Один набросок. Побоялась. Но написала, долго редактировала, потом поняла, что душу невозможно рассказать, и оставила в черновиках. Хотите, я прочту вам отрывок?

Художник достал откуда-то несколько листов, исписанных аккуратным почерком.

«...Как в замедленном кино я видела девочку, прыгивающую с камня в прозрачную морскую гладь. Ни одна волна не кольхнула воду в тот момент, когда её ножки опустились в солёный океан. Она, как поплавок, замерла на воде, и через мгновение море слилось с её платьем, потекло через ткань, став бесконечными струящимися складками. Рыбы, ракушки и даже зелёные водоросли проходили по её сарафану и уплывали обратно в море.

Ко мне по бескрайней глади шло море с распущенными чёрными вьющимися волосами, которыми играло серебро луны. Ничего прекраснее в своей жизни я не видела.

Вот малышка подошла к берегу и протянула ко мне ручки:

– Пойдём играть! – позвала она. – Там интересно! Идём, что же ты! – малышка взяла меня за руку и потянула за собой.

Мы шли через океан. Вблизи девочка напоминала волну, которая неспешно плыла впереди. И лишь маленькие ножки, шагающие по морскому дну, говорили о том, что это – живое существо...»

– Пожалуйста, прочтите ещё, – зачем-то попросил я.

Художник кивнул.

«...Слезы были такие же солёные, как и море, что лениво гнало волны. Я огляделась. Девочки на валуне не было. Она шла далеко впереди, направляясь к берегу.

– Постой! – крикнула я. – Подожди!

Девочка не обернулась. Море выстилало перед ней дорожку из песка, чтобы через мгновение вновь сомкнуть свои воды.

И я побежала. Быстро, как только могла позволить вода. Море заволновалось. Налетевший ветер практически закрыл луну, поднял волны с белыми пенными шапками.

– Не уходи! Скажи, кто ты! – просила я, но голос разбивался о скалы и валуны, которые были равнодушны к моему крику.

Девочка вышла на берег. Я задыхалась. Солёные брызги больно стегали по лицу. Чёрное небо и тёмное море практически слились в единую kloкочущую массу, в которой я была лишь сопротивляющейся песчинкой. Добегаю до берега. От девочки меня отделяют лишь несколько метров песка и камней.

– Пожалуйста, скажи, кто ты! – кричу я что есть сил. Пытаюсь выйти на берег, но море сомкнуло воды вокруг моих ног, словно сжало тугие кулаки. Рывок. Ещё один. Стихия, недовольно бурля, не отпускала меня из своих владений.

На последнем рывке я не удержала равновесие и села в море. Платье намокло, волосы облепили плечи холодными нитями. Девочка все также совершенно неподвижно стояла ко мне спиной.

– Кто же ты такая, девочка-море? – прошептала я волне, что вот-вот должна была накрыть меня с головой.

Неожиданно малышка обернулась. Ее бездонные синие

глаза сверкали холодным огнем, волосы развевались на ветру. Она вытянула вперед руку, и на песке медленно, словно кто-то выводил детским пальчиком, проступила надпись: «Я – твой внутренний демон». В ту же секунду волна настигла меня, но сквозь неё я видела девочку в голубом сарафане, по лицу которой бежали слезы».

Помолчали. Художник встал, протянул мне чистые листы бумаги, острый карандаш и зачем-то развернул меня лицом к спящим пассажирам.

– Вот они, твои истории.

Я непонимающе посмотрел на пассажиров. Писать о... них? О тех, кто не может справиться с простыми земными искушениями?

– Да, мой сын. О них самых. Они сами тебе всё расскажут. И, к слову... Ёж ведь ещё сидит в твоём рюкзаке, верно? Помни о нём. Между прочим, это я рассказал тебе историю про ёжика, а мне -Достоевский, – художник похлопал меня по плечу, сложил наброски, сел на своё место и мгновенно заснул.

А я остался стоять посреди вагона, наполненного чемоданами с прошлым. Господи, кажется, я согласен всю свою жизнь сидеть на полке и ждать, когда меня польют, чем принять всю скорбь этого мира...

#Диалог_9

Я стояла посреди поля. Сердце билось часто-часто, готовое вот-вот вырваться из груди.

– Кто вы? – спросила я.

– Девочка со скрипкой из твоего сна, – ответила она и рассмеялась.

– Это я знаю... Вы ведь были там, в вагоне? И рассказали мне историю?

– Да.

– ...Зачем вы всё это мне рассказываете? – я так и стояла посреди вагона. Стёрлись люди, исчезли дома, и лишь фонарь одиноко продолжал гореть.

– Чтобы ты помнила о доброте, которая правит этим миром.

– Зла в мире больше.

– Безусловно, – ответил невидимый голос.

– Тогда какой смысл в доброте?

– А как же история с кактусом?

– Я сама порой сомневаюсь, была ли она, – я подошла к столику, где стояла ваза, и задумчиво посмотрела на ромашки.

– Представь, что все в мире перестали любить друг друга. Что бы тогда случилось?

На мгновение мне показалось, что на моё плечо легла ру-

ка. Я не стала поворачивать голову. Я думала.

– Однажды дети спросили, что было бы, если бы Христа не распяли...

– И что ты ответила?

– Сказала, что мир был бы другой. Без зла. Без тех самых теней... Я не представляю мир без любви.

– Тогда расскажи писателю историю. Пусть все знают. Пусть почувствуют.

– Она слишком нереальная, говорю же. К тому же... Слишком личная. Порой я и сама не верю, была ли она.

– А если увидела бы на бумаге, поверила бы?

– Не знаю... Наверное.

– Так расскажи!

Я неуверенно кивнула и пошла к выходу из вагона. А потом перешла на бег, сама не зная, почему...

– Я рассказала писателю историю про кактус. Но... он её не напишет.

– Возможно, это и правильно... Почему она кажется тебе такой нереальной? – спросила девушка.

– Потому что так не бывает. Этот мир... здесь есть лишь совпадения, случайности. Но не чудеса. Дети просто назвали цветок. Мальчик просто его подарил, – я пожала плечами. – И всё же вы пришли ко мне, и в том сне я видела ваши воспоминания. Правда, к своему стыду, я ничего не помню, только то красное здание и огромный клён в свете фонаря.

– Давай уйдём в тень, здесь слишком жарко, – девушка

потянула меня за руку.

Мы шли среди травы. Жар поднимался от земли невидимыми облаками, зелень цеплялась за платье, скрывала ноги. С высоты птицы видели лишь наши шляпки, то и дело ныряющие в траву.

– Ты ведь хотела нарисовать историю про девочку, помнишь? – спросила девушка, отвлекая меня от мыслей.

– Помню.

– И что тебе помешало?

– Я испугалась, – честно ответила я, присаживаясь на поваленное дерево. – И рисуя я откровенно плохо.

Мы подошли к небольшому лесочку. Здесь листья шелестели от ветра, словно напевая какую-то мелодия.

– А ты? Ты пишешь музыку?

– Зачем её писать? Она вокруг нас. Она везде. Слышишь, как шепчут листья? Как там, вдалеке, река уносит наши воспоминания? Как птицы кричат, рассказывая о своих страстих? Я просто слушаю. А потом играю.

– И тебе не страшно?

– Нет. Если не получится, я попробую снова.

– А можешь, пожалуйста, сыграть для меня?

Девушка кивнула. Она села, поудобнее перехватила скрипку. Её смычок плавно опустился на струны и...запел. На мгновение мне показалось, что я лечу. Лечу, а вокруг меня летит вселенная. И я такая маленькая-маленькая, а вселенная огромная, состоящая из невероятного количества ча-

стичек. И я – та самая частичка. Но я не одна. Вокруг меня
есть сотни, тысячи таких частичек. И все мы летим по доро-
ге жизни, летим, порой забывая, куда и зачем...

#Диалог_10

Напротив художника упал на сиденье писатель. Он был лохматый, усталый, и, если присмотреться, то можно было заметить, что глаз его временами подёргивается. Писатель бросил на стол пачку исписанных листов и огрызок карандаша, который некогда был полноценным инструментом для письма.

Художник хмыкнул и попытался спрятать улыбку. Не получилось.

– Я больше не могу, – писатель положил лохматую голову на руки и замолчал, словно провалился в неведомое пространство.

– Много ли историй ты нашёл? – спросил художник, глядя на черновики.

– Много. Но все они – про то, как важно вовремя простить, отпустить. Про то, что порой нужно ждать. Про то, как одна оплошность может изменить всю жизнь. Для меня они слишком простые. Я уже писал об этом. Множество раз писал.

– А ты заметил, что чемоданов, набитых прошлым, стало меньше? – спросил художник, очиня ножом огрызок карандаша.

Писатель оглянулся. Действительно, многие рюкзаки, сумки и чемоданы превратились в небольшие сумочки, где

помещался лишь бесценный опыт прожитых лет. Где же неподъёмный груз?

– Почему так произошло? – спросил писатель, глядя то на свои листы, то на пассажиров поезда.

– Потому что ты их выслушал. Ты стал их проводником в мир правды. Слово – бесценным дар, помнишь?

– Но их истории – такие...обычные. Я не хочу писать про них книгу.

– Но ведь лучшие художники прошлого и писали простые вещи. Потому мы и считаем их великими, что они сумели увидеть необычное в обычном...А про что ты бы написал?

Писатель промолчал.

– Скажи, та девушка, которую я встретил... Она может стать писателем?

– Безусловно.

– Но как?! Ведь мы тратим сотни лет на то, чтобы отработать свой навык, отточить мастерство, и лишь затем приходим сюда. А она – простая смертная. В её распоряжении – максимум столетие. Как она сможет стать писателем?

– Потому она и боится. Потому и бросает. Потому и просит тебя написать. Она понимает, что ей не хватает опыта. Но они так и учатся: через страх, через ошибки, через нелепые произведения. Их вечность – это их творение. Писатель навсегда остаётся в своём произведении.

– Её сюжет прекрасен. Я не должен так говорить, но...

– Но?

– Я вижу перед глазами только её сюжет, понимаешь? Только девочку со скрипкой. Это какое-то безумие, наваждение, морок. Но в моём воображении снова и снова на мокрой улице встречаются две девушки, одна из которых позволяет другой заглянуть в её душу. И знаешь, что самое странное? Я понимаю, что это не моя история. Она должна рассказать её сама. Но...не сможет.

– Почему? – художник задумчиво почесал нос кончиком карандаша.

– Ты посмотри, как написан рассказ про кактус. Его нужно править, править долго и обстоятельно. Она не сможет.

Помолчали.

Господин отложил перо. Он тоже писал. Он писал диалоги, которые для него были важны. И в тот момент он с интересом наблюдал, как одна душа, получив бесценный дар, металась, не зная, как поступить. Рядом с ней сидела другая, более опытная, готовая поделиться мудростью. И где-то там, среди летней зелени, ещё одна душа пыталась отыскать смысл жизни, не понимая, что жизнь – это и есть смысл.

Господин закрыл книгу, позволив писателю и дальше самому рассказывать о своей жизни.

– Художник... что такое любовь? – неожиданно спросил я.

– Безумие, наваждение, морок. Но при этом – самое прекрасное чувство. Ты давно живёшь, писатель, но я был отправлен на эту землю раньше тебя. Ты собирал диалоги, пи-

сал книги. Ты видел любовь. Вот только ты видел её не такой. Поломанной. Исковерканной. Целующиеся на виду у всех парочки. Громкие слова, которые никогда не исполнятся. Любовь – это когда ты готов помочь, просто так. Когда у тебя болит душа за человека. Вот есть человек самый что ни на есть обычный, а ты почему-то переживаешь за него. Спрашиваешь, как у него день прошёл. Это и есть любовь к человеку.

– Я хочу, чтобы она сама написала про девочку со скрипкой, – повторил я.

– Так помоги ей, – сказал художник. – Ты любишь её, писатель. Только пока сам не осознаешь этого. Если любишь – помоги.

#Диалог_11

Она играла, а мне казалось, что это ветер шелестит ветвями берёз. Что где-то вдалеке плещется в реке рыба. Я словно видела, как где-то в горах поют неземные птицы, а потом резко срывалась в бездну, и мой крик отражался от стен пропасти.

Я смотрела на скрипку. Инструмент жил. Он не просто исполнял мелодию, он был живым существом в руках умелого мастера. Он проживал свою жизнь. Он пел. Говорил. Порой шептал, срываясь на крик.

Но вот смычок оторвался от струн и опустился вниз.

– Это было...невероятно, – прошептала я.

Девушка посмотрела на меня.

– Я просто играю жизнь, – ответила она, пожимая плечами.

– В том сне...я дотронулась до скрипки и куда-то перенеслась. Это были люди, города. Тогда мне показалось, что я вижу – не чувствую, а вижу – чьи-то чувства. А если...если я сейчас дотронусь до скрипки? Что произойдёт?

– А ты попробуй, – девушка улыбнулась, пожалала плечами и посмотрела на меня. Лукавые огоньки забегали в её глазах.

Я подумала, а потом протянула руку и коснулась лакированного инструмента. Дерево было холодным, гладким. Вот струны. Бережно, боясь испортить, а я провела пальцем по

тонкому натянутому металлу. Струны ответили, едва слышно завибрировали, словно приветствуя меня. Ничего не произошло. Мы так и сидели под деревом, а вокруг нас цвело лето. Пели птицы, плыли пушистые облака, а ветки берёз скрывали нас от солнца. Я была здесь, среди своих чувств и воспоминаний.

– Почему ничего не произошло? – спросила я.

– Потому что я – всего лишь сюжет твоей книги, – ответила девушка.

– И... я напишу её? – мой голос дрогнул.

– А это тебе решать.

Я задумалась.

– Я уже подарила этот сюжет. Я отдала его писателю в поезде. Разве могу я теперь написать то, что подарила?

– Конечно, – девушка улыбнулась. – Наполни его своими чувствами, воспоминаниями, переживаниями. Позволь героям стать живыми. Пусть они будут не просто плоскими фигурками, сжатыми рамками правил литературы. Отпусти их. А историю про кактус сохрани. Не пиши. Не отдавай.

– Почему? – удивилась я.

– Её никто не сможет рассказать: ни ты, ни писатель. Это та история, которая должна жить не на бумаге. Она должна жить в сердце. Она – твой талисман. Твоя вера в необъяснимое. Храни её.

Девушка встала, поправила лёгкое платье, поудобнее перехватила скрипку и пошла куда-то. Когда ветви деревьев и

высокая трава почти скрыли её от меня, до меня долетел её голос:

– И чемодан с мудростью не забудь!

Я оглянулась. На том месте, где лежал футляр от скрипки, сейчас находился небольшой дорожный чемоданчик. Я взяла его, спустилась с поваленного дерева в густую траву. Мне показалось, или я слышу гудок поезда?

И вот я стою на перроне, а ко мне, тихо шурша, подходит состав. Закатное солнце опускается на мир, и всё окрашивается в тихие пастельные тона. Я вспрыгиваю на подножку и зачем-то оборачиваюсь.

Поезд тронулся, а я так и смотрела туда, где мир натягивал на себя одеяло тишины, чтобы погрузиться в сон.

– ...Где она сейчас? – спросил я у художника.

– Села в поезд, захватив чемоданчик с мудростью, – ответил он, обмакивая кисточку в акварель.

– В наш поезд? – уточнил я. Сердце неожиданно перестало биться и упало куда-то.

– Нет. В другой поезд. Там она одна. Она будет писать. Много дней и ночей она будет писать, совершенствуя своё мастерство. Строчки будут ложиться на бумагу, а она, проснувшись по утру, будет зачёркивать, исправлять, снова зачёркивать. Вот так, через боль и трудности, и будет рождаться книга. Земным тяжелее, писателю. У них есть только один шанс. Строчки не исчезнут с их страниц, а ошибки писателям не прощают, сам знаешь.

Художник слегка наклонил лист, позволяя акварели растечься по бумаге.

– А если...если она не напишет? – спросил я. – Если ей станет страшно? Если пропадёт вдохновение?

– Не пропадёт, – успокоил меня художник.

Он открыл пошире окно. Налетевший ветер подхватил рисунок и понёс куда-то. Я успел лишь увидеть, что на нём была нарисована девочка, которая держала в руках скрипку. Она стояла в высокой траве, ветер шевелил её волосы. Не хватало на рисунке лишь одной, едва заметной линии у основания скрипки.

Я вошла в вагон. Там было пусто. Нахожу себе место возле столика, кладу чемодан, сажусь. Думаю. Потом двумя руками откидываю крышку чемодана. Внутри лежат листы бумаги, карандаши и чёрно-белые фотографии. Бережно достаю их, рассматриваю. Мои бабушки и дедушки. Маленькая мама. Люди. Воспоминания. Диалоги, спрятанные в кадрах. Интересно, о чём говорили эти люди? Что было у них в душе?

На одном из снимков нахожу маму с ромашками. Странно, я не помню эту фотографию, хотя старый бабушкин альбом я рассматривала много раз, сидя вечерами в кресле возле торшера.

Откладываю фотографии, достаю листы, очиняю карандаш. И когда касаюсь бумаги, готовая вот-вот начать, в рас-

пахнутое окно влетает ...рисунок. Изумлённая, я отложила карандаш, встала и взяла листок. На нём лёгкими всполохами акварели была нарисована девушка, стоящая в траве. В руках она держала скрипку. Я нахмурилась. На скрипке не хватало ровно одной линии у основания. Что это? Задумка автора? Или всего лишь небрежность?

Сквозь акварельные линии проступали буквы. Я перевернула лист. Там витиеватым почерком кто-то оставил послание. И сомнений не было: его писали для меня.

Уважаемая девушка, подарившая писателю историю!

Пишет вам художник, которого вы никогда не видели. Я очень хочу, чтобы вы создали свою историю. И писатель тоже этого очень хочет, поэтому он возвращает вам сюжет про скрипку. Напишите. Наполните этот невероятный мир художественного текста вашими мыслями, чувствами, воспоминаниями. Я знаю, как это страшно – смотреть на чистый лист. Но, поверьте, куда страшнее так и не превратить его в произведение. Пишите. Умение приходит лишь к тем, кто делает. Кто боится, но идёт вперёд. Позвольте этой истории появиться на свет.

Я приготовил вам небольшой подарок. Этот рисунок – ваш. Я думаю, вы заметили, что на нём не хватает лишь одной линии. В ту минуту, когда вы напишете своё произведение, дорисуйте линию. И рисунок станет обложкой для книги. Я дарю его вам. Читайте это талисманом на удачу.

P.S. И нарисуйте, наконец, историю про девочку-море.

Всё ещё держа лист в руках, я села на своё место. А девушка, чья скрипка едва угадывалась в пышной зелени, выжидающе смотрела на меня. Мол, чего же ты ждёшь?

Я аккуратно положила рисунок на стол, прижала карандашами, чтобы поток воздуха не унёс творение неизвестного художника, и принялась писать.

В тот момент, когда на бумагу легли первые строчки, в вагон вошла девушка со скрипкой. Прозрачное воспоминание, будущий сюжет. Она встала возле окна, практически невидимая в последних лучах заходящего солнца, посмотрела на склонённую над листами фигурку и...заиграла.

Ночью, когда она в изнеможении уснула, я вошёл в вагон. Как и предсказывал художник, здесь никого не было. Я сел напротив, там, где когда-то лежал рисунок. Девушка спала. Вся правая рука её была в карандашных полосах. Волосы водопадом устилали стол. Она спала. Сны, неизвестные мне, бродили по её лицу: она то хмурилась, то улыбалась. Интересно, что её снится? Опять та самая девушка?

Осторожно, боясь потревожить, я вытащил из-под руки черновик. Аккуратно, но торопливо и нервно на лист ложилась строчки. Мне казалось, что девушка боялась, что у неё заберут возможность писать. Как в том разговоре, когда она спрашивала про справедливость.

Я сел ближе к окну, туда, где лунный свет освещал кусочек сиденья, и начал читать.

Пролог

Я цеплялась за истину. Искала её в книгах, бродя среди букв и тщательно осматривая каждую из них. Слова текли сквозь пальцы, складывались в мудрость, заставляли сердце биться чаще. Но буквы, хрупкие и невесомые, так и оставались лишь плевком типографской краски, и я шла дальше. Я наблюдала. Каждый день, каждый час, каждую секунду я наблюдала за людьми, пытаюсь понять их жизненную философию. Примеряла её на себя, застёгивая пуговицы и ставя заплатки. Расправляла, приглаживала утюгом. Но философия, выждав нужного момента, сбегала, так и не став моей. Я вновь оставалась одна.

И тогда я поняла главное. Я поняла это в то мгновение, когда не побоялась сказать. Сказать то, что так и рвалось наружу. И я сказала. Сжалась, ожидая реакции. Но... меня услышали. И тогда я начала говорить. Я надела на себя свою философию, чтобы понять философию других. Я нашла силу истины. Я нашла её в диалогах. В людях. В их боли и слабости. Это те слова, ценность которых нельзя измерить. Только почувствовать...

Позади меня раздался легкий шорох. Девочка со скрипкой присела возле меня.

– Кто вы? – спросил я.

– Муза, – спокойно ответила девушка. – Я та, что приносит идеи. Та, что заставляет писать ночами, воплощать творческие замыслы, сходится с ума от мыслей.

– Но...у меня нет музыки, – сказал я изумлённо. – Я сам

ищу диалоги, пишу, чувствую, рассуждаю.

– Ты – дитя неба, – ответила девушка. – Посланник господина. Ты сам и есть вдохновение. А она – земное существо. Ей нужна частичка неба.

– У вас есть имя? – спросил я. – Это дар, доступный лишь немногим избранным жителям небес.

– Как и у вас, – улыбнулась она.

– Но...кто подарил вам его? – спросил я.

– Тот, чьей музой я являюсь, – улыбнулась девушка. – Меня зовут Полина. А вы, стало быть, Пётр?

– Да, можно просто Петя, хотя сокращённый вариант и напоминает мне о тех днях, когда я шевелил колючками, стоя на полке в кабинете русского языка. Вам не показалось интересным, что в её истории и вы, и я описаны так, словно мы – живые существа?

Девушка покачала головой.

– Зачем ты пришёл, писатель?

– Я хочу...ей помочь, – честно признался я.

– Помочь...как? – спросила девушка со скрипкой.

– Я буду редактором. Я не имею права написать эту историю, но никто не запрещает мне прочесть её.

Утром, открыв глаза, я вновь принялась писать. Я смотрела на сделанные мною правки (хотя и не помнила, когда успела их сделать), думала, перечёркивала и начинала заново. Порой, когда писать становилось невыносимо, я выходила на крошечный балкончик. Ветер дух мне в лицо, теребил

волосы. Да, мне было страшно. Каждый раз, когда сюжет заходил в тупик, когда я не понимала, что делать и о чём писать, я хотела всё бросить. Но потом я вспоминала рисунок, который сделал художник. Смотрела на лёгкие пятна акварели, на едва видимые в траве руки, на скрипку и писала дальше.

Иногда я перебирала фотографии. Я искала среди них истории. А ночами, едва закрыв глаза, я переносилась то в своё детство, то в детство моей мамы. И люди, которые были там, говорили. Я собирала их диалоги, чтобы бережно перенести на бумагу. Пусть мне пока не хватает жизненного опыта, пусть мой чемодан ещё слишком мал, но я могу взять опыт прошлых поколений. Я могу кричать их голосами.

Господин открыл свою записную книгу. Всё это время он лишь наблюдал. Но сейчас время пришло. Он опустил перо в чернила, осторожно убрал лишнее и начал писать.

Однажды ночью, когда девушка заснула, свернувшись калачиком на сиденье, в вагон вновь вошёл писатель. За окнами шёл дождь. Непроглядная стена воды обрушивалась с неба, поглощая всё вокруг. Выглядываешь из вагона – и ничего не видишь. Лишь тишина да чёрное безлюдное небо.

Писатель привычно сел, взял со столика черновик книги и уже собирался начать читать, как вдруг встал, снял пиджак и накрыл им хрупкую фигурку, что спала, положив под голову найденную в чемодане книгу.

– А как зовут художника? – писатель оторвался от чте-

ния. Полина, осторожно положив скрипку на свободное место, присела возле него.

– Не знаю. Да и не задавался я как-то этим вопросом, если честно.

– Но он знает. Он знает всё. Он видел её наброски, читал черновики неродившихся произведений. То есть он был рядом с ней всегда. Это что-то, что дорого ей. Что-то, чему она тоже дала имя, понимаешь?

– Я не знаю, – повторил писатель. – Но, возможно, она сама раскроет нам эту тайну, когда придёт время.

Помолчали. За окнами шёл дождь. Его шум: стук капель, шуршание воды – навевал дремоту. Писатель придвинул свечу поближе к рукописи.

– Осторожно! Вдруг загорится? – Полина отодвинула свечу.

– Не волнуйся, рукописи не горят, – улыбнулся писатель и предложил: – Хочешь прочесть вместе со мной?

Полина села поближе.

Жила-была девушка. С детства любила она природу. Бывало, присядет на берегу реки и слушает. А вода течёт, шепчет, говорит. И рассказывала она девочке сказки волшебные. А мимо ветер пролетал. Выждет он, когда вода договорит, и тоже рассказывает. Девочка смотрела на воду и видела там истории ветра.

Ночами дождь робко стучал в окна. И когда девочка распахивала окно, рассказывал ей грустные истории. Она слу-

шала, порой плакала. Но мир так многогранен, разве можно все истории уместить в счастье?

Девочка росла, и внутри неё рос отдельный мир. И когда эта вселенная окрепла, то стало тесно ей внутри девочки. Тогда девочка взяла в руки скрипку.

Вначале скрипка не слушалась, но вскоре, когда руки девочки окрепли, а пальцы легко начали выбирать аккорды, сама стала частью вселенной девочки.

А девочка играла. Порой выходила в парк, присаживалась на скамейку и играла все те истории, что приносил ей ветер. Скрипка говорила, шептала, кричала, иногда словно бы звала кого-то. Вот только кого?

Людам, которые слушали, казалось, что девочка рассказывает их собственные истории. Словно она заглядывала в их внутренние миры и брала самое сокровенное, то, что скрыто от людских глаз, а потом... потом перекладывала на музыку. Девочка не знала, что вечерами люди собирались в парке и ждали. Ждали, когда они со скрипкой сядут на скамейку и расскажут о жизни. И тогда люди робко, боясь, что кто-то разгадает их тайны, подойдут ближе и будут слушать, слушать...

Однажды, когда скрипка перестала звать кого-то неизвестного, на лавочку опустилась девушка. Она держала в руках листы бумаги и карандаш.

– Простите, мы не знакомы... Но каждый раз, когда вы играете, мне кажется, что я знаю эти истории. Словно они не

ваши. Словно они мои. Скажите, о чём поёт ваша скрипка?

Она протянула девушке со скрипкой лист бумаги. Там, среди лёгких карандашных набросков, угадывался парк, фонари. А на скамейке, окружённая людьми, сидела девушка со скрипкой.

В тот момент скрипка радостно завибрировала. Она нашла того, кого звала...

#Диалог_12

Поезд качнулся и остановился. От лёгкого толчка я проснулась. За окном шёл дождь. Он ослабел за это время, выдохся, и теперь лишь редкие его капли стучали по крыше поезда.

С удивлением поняла, что меня кто-то укрыл. Я встала, повесила на край сиденья пиджак. Моя рукопись, законченная и аккуратно сложенная, лежала на столе. Рядом были разбросаны остатки карандашей, ластики, скомканные листы. Я осторожно провела кончиками пальцев по рукописи. Моё сокровище. Пусть его опять никто не прочтёт, но я закончила. Я дописала. Всё то, что жило в душе, весь мой мир сейчас живёт на этих листах. Самое сокровенное. Самое чистое. И лишь одна история, та, что так и не была включена в книгу, лежала в моей сумочке.

Я прошла по вагону, приоткрыла окно, а потом, подумав, вышла на перрон.

Было темно и влажно. Капли стекали с крыши вагонов, чуть слышно пыхтел паровоз. Я подняла глаза на небо, туда, где тяжёлые облака закрывали звёзды.

– Я дописала, – прошептала я. – Я написала историю. Вложила в неё весь опыт, который у меня был. Чемодан пуст. Что мне делать дальше?

Небо молчало. На мгновение мне показалось, что облака

побежали быстрее, и вот уже звёзды, чистые, умытые, сверкают на небе.

Раздался топот, словно чьи-то маленькие ножки бежали, шлёпая по лужам.

Деловито фыркая, по лужам топал ёжик. А за ним, неся за плечами рюкзак, шёл писатель. Мне показалось, или рюкзак стал больше?

Он поравнялся со мной. Несмотря на прохладу летней ночи, писатель был без пиджака.

– Скажите, что делают писатели, когда заканчивают историю? – зачем-то спросила я.

– Ну, например, выходят на свежий воздух, чтобы выгулять ручного ёжика, – улыбнулся он.

– Вы тоже дописали историю?

– Да, – писатель кивнул, глядя на то, как ёж что-то ищет в траве.

– О чём она?

– О простых вещах. О людях. Об их чувствах. Желаниях. Эмоциях. О том, что мы видим каждый день, но не желаем принять. О чём же ваша история?

– О девочке со скрипкой, – ответила я, глядя на небо. – Знаете, иногда мне кажется, что нашей жизнью кто-то управляет. Кто-то играет нами, как фигурами в шахматах. И в нужный момент рядом оказываются люди, готовые помочь...

В это время господин, давно переставший писать и лишь иногда слушавший, улыбнулся. Он уже было взял перо, го-

товый навечно связать судьбы этих людей, но потом остановился. Снова эти правила! Он был обязан спросить разрешения...

Неожиданно стали набегать тучи.

– Наверное, снова дождь начнётся, – заметила я. – Давайте вернёмся в вагон.

– А давайте...останемся,– предложил писатель, беря меня за руку. – Ведь в обычной жизни вы не решитесь гулять под дождём. Так давайте хотя бы здесь побудем детьми. Пусть небо видит наши мысли и чувства. В эту ночь мы свободны от опыта, от груза прошлого. Мы дописали свои рассказы. Завтра мы вновь начнём собирать диалоги. А пока...позвольте мне подарить вам этот дождь.

С неба хлынул поток. Я чувствовала, как намокает моё платье, как волосы прилипают к спине, как я рождаюсь заново.

– Я хочу подарить вам стихотворение! – прокричала я. Мокрая, озябшая, но невероятно счастливая, я подставляла лицо под струи воды.

– Говорите! – прокричал в ответ не менее мокрый писатель.

– Как вы живёте на свете? – Без соцсетей. – И неужель улыбаетесь? – Да, улыбаюсь. – Каждое утро, вставая, я улыбаюсь Снегу с тяжёлых пушистых сосновых ветвей. – Как же вы дальше-то будете? – Без суеты. – Без суеты, вы считаете? – Да, я считаю. Жизнь для себя я свою

проживаю, Песни пою я широкой и шумной волне. – Что же из этого следует? – Следует жить. И начать снова жить, а не казаться. – Что, и вживую нам снова придётся влюбляться? – Да, и тепло своим близким, любимым дарить. Следует жить, ибо, сколько бы сетям не кружить, Холод снежинки, что робко в ладошку упала, Не передаст фотография зимнего бала, А больше и нечего всем соцсетям предложить. Месяц – серебряный шар со свечою внутри, Ветер морозный катает снежинки по кругу. Жизнь продолжается наша в объятиях друга, В тёплых улыбках, лишённых чужой суеты. – Будет мораль у истории? – Как же ж не быть! – Так расскажите о ней и не томите! – Счастье от глаз вы людских берегите. – А интернет?!

– А с ним просто следует жить!

Писатель улыбнулся и неожиданно начал исчезать. И вот на перроне я стою одна.

А дождь шёл и шёл. И вдруг я почувствовала, что тоже растворяюсь. Начал таять поезд, а за ним – и едва различимый в темноте лес, и перрон.

– Рукопись... – прошептала я, прежде чем всё пропало.

В это время к трону подошёл писатель. Его рубашка всё ещё не просохла, а влажные волосы чуть топорщились после полёта.

– Господин, я пришёл просить об услуге.

– Говори, писатель. Ты храбро служишь своему таланту,

а значит, имеешь право просить и быть услышанным.

– Господин, прошу...сделай меня ангелом-хранителем.

– Избранный, ты имеешь талант. Ты пишешь. Ты несёшь свет. Твой талант – величайший дар, отшлифованный тобою до блеска. Неужели ты готов отдать его?

– Да, господин.

– И ты понимаешь, что твоё решение нельзя будет изменить?

– Да. Я готов вновь стать кактусом. Небом. Рекой. Но я не хочу собирать диалоги, повелитель. Я хочу лишь чувствовать и спасать. Люди сами могут писать, нужно лишь им помочь.

– Уж не влюбился ли ты, друг мой?

– Влюбился, господин. Я влюбился в морок, фантазию. И я люблю ту, что эту фантазию создала.

– Фантазию ли? – спросил я.

– Не фантазию. Её веру в чудо и желание это чудо показать.

– Я мог бы сделать вас мужем и женой, писатель. Хочешь ли ты этого?

– Нет, мой господин. Я дитя неба. Позволь мне беречь её. Он задумался, а потом медленно кивнул.

– Да будет так. Только, будь добр, надень сухую рубашку. Даже дети неба могут простудиться. И, в конце концов, где ты видел кактус с соплями?

#Диалог_13

Я открыла глаза. Было пасмурно, и потому сложно определить, который час.

Какое-то время я просто лежала, вспоминая. Какой яркий был сон, словно бы всё происходило наяву! И...там я дописала книгу. Там, за границей сознания, мне хватило сил и смелости закончить то, о чём я давно мечтала.

Встаю, одёргиваю пижаму, подхожу к рабочему столу. Там в беспорядке лежат листы. Мои черновики. Кажется, перед тем, как лечь спать, я дописывала рассказ. Только вот не помню, дописала ли?

Я присела, стала бегло перечитывать. Местами мои правки перемешивались с чужими, словно кто-то тоже читал, подчёркивал, исправлял. Не придавая этому значения, я читала дальше.

Последний лист. Последняя строка. Да, я закончила рассказ. Я рассказала всё то, что рвалось наружу. Что жило во мне, трепетало и больше всего на свете мечтало быть услышанным. Оно здесь, в этой рукописи. С шероховатостями, не всегда удачными речевыми оборотами. Оно здесь. Оно моё. И я готова подарить его всем, каждому человеку, готовому услышать и почувствовать.

Уже уходя, я достала папку. Там, среди набросков, стыдливо прикрываясь другими рисунками, жила незаконченная

обложка для книги. Девушка со скрипкой, стоящая посреди поля в густых зарослях травы. Я задумалась, а потом взяла карандаш и провела финальную линию у самого основания...

Нам не дано узнать, что случится дальше с писателем, чья фантазия породила девушку со скрипкой. Вам (и мне тоже) очень бы хотелось, чтобы она выпустила книгу, и весь мир, читая, чувствовал, любил и дорожил мгновениями счастья. Чтобы струны душ читателей дрогнули, и мир наполнился музыкой. Чистой, светлой и настоящей. Но так ведь бывает только в сказках...

А мы оставляем наших героев здесь, на этой странице. Скажем лишь, что Пётр переселился на подоконник, где больше света. Он стал ещё больше, а его колючки готовы отразить любую опасность, особенно если она грозит его подруге. Полина живёт рядом с ним, смущённо краснея каждый раз, когда Петя на неё смотрит, а потом покрывается россыпью цветов невероятной красоты. У неё много деток, которые радуют окружающих пусть пока робкими, но очень красивыми бутонами.

А их хозяйка до сих пор хранит в душе историю про кактус и верит, что чудеса случаются. Только нужно научиться их замечать.

И да, чуть не забыл. Она всё ещё собирает диалоги. Некоторые из них я переписал ночью, пока она спала. Воровство? Нет, то вы. Всего лишь любопытство старого человека, ко-

торый только и делает, что управляет судьбами, совершенно забывая порой взглянуть на мир с его простыми чудесами.

#Диалоги_с_бабушкой

#1

На деревню опускалась ночь. Тёплая, чуть влажная, с запахами разогретых лучам солнца трав. Терпко пахла притаившаяся в палисаднике мята, сладко – желтобокая тыква. И лишь едва заметные горьковатые нотки полыни напоминали, что всё временно.

Внучка-студентка приехала к бабушке. Она устроилась на диване, завернувшись в плед. Привезённые с собой книги она сложила на полке неровной стопкой.

Напротив неё в кресле сидела бабушка, устало вытянув ноги.

– Бабушка, а нам на парах рассказывали, что раньше в деревнях был обряд выкупания постели. То есть родственники жениха приезжали в дом невесты, забирали её принадлежности для сна, а стелили уже на новом месте. А у тебя такое было?

Тут стоит отметить, что бабушка эта никогда не была образцом спокойствия. Все школьные годы её регулярно выгоняли за дверь, потому что она передразнивала учителей и корчила рожи одноклассникам. Причём она прекрасно по-

нимала, как должна себя вести воспитанная девочка, но шило в стратегическом месте не смогли вылечить ни хворости-на матери, ни сложная жизнь. Даже в свои почти 70 лет бабушка, имея ряд сложных диагнозов, поражала окружающих своей любовью к приключениям.

– О да, было у нас такое, – кивнула бабушка. – Но ты ведь меня знаешь! Думаешь, я позволила сделать всё так, как полагается? Какой там! Вот приезжают к нам родственники твоего деда. Все церемониальные вещи улажены, моя постель на телегу погружена. Как думаешь, что я сделала дальше? С ними поехала! Тоже мне, придумали обычай! Как придумали, так и передумают! Дверь в дом твоего прадеда я первая открыла и с порога заявила:

– Здравствуйте, я ваша молодая (так будущую жену называли)! Где мне ставить свою постель? Лицо свёкра надо было видеть.

– А зачем ты так сделала? – спросила внучка.

– Чтоб я позволила каким-то чужим тёткам мою постель стелить? Ещё, небось, и грязными руками? Нет уж! Всё своё вожу с собой. И стелю тоже сама. Короче, внучка, нарушила я тогда всё, что можно было, и, довольная, удалилась.

– А прабабушка как отреагировала? – ошеломлённо спросило дитя науки.

– Смеялась. За все годы жизни со мной она и не такое видела, мамка моя. Я же тебе рассказывала, как я соседку Лидку мокрой тряпкой побила? Нет? Спи, потом расскажу.

– Знаешь, как твоя мама на свет появилась?

Девочка-студентка качает головой.

– Тогда слушай.

Бабушка на секунду замолкает, подбирает слова. Ветви яблони стучат в окно, словно тоже хотят послушать историю. Поют сверчки.

– Мне твоя прабабушка как-то резиновые сапоги купила. Красивые, да такие, что глаз не отвести. Тогда ведь дефицит был жуткий, тяжело хорошие вещи находить. Не помню уже, где мы их взяли.

Старшие классы школы. Осень, дожди. Ходить нам на уроки было далеко: либо наискосок через поле в город, либо и вовсе огромным кругом. В деревне была только начальная школа, ты помнишь.

Иду домой и неожиданно понимаю, что нога – то у меня мокрая. Видимо, сапог где-то подтекал. И что делать? Матери говорить? Она на них последние деньги истратила.

Приду домой, носки переодену, сапоги высушу и дальше иду. Так и ходила, причём несколько сезонов.

А потом я забеременела. И почувствовала, что что-то не так, к врачу пошла. А в поликлинике испугались, направление в город сразу выписали. Воспаление. Как раз с той стороны, где сапог тёл.

Пришла домой, плачу. Ты не представляешь, что такое для деревни женщина, которая родить не может. Позор!

Рыдаю, говорю твоему деду:

– Если не рожу, возьмём маленького из приюта?

– Возьмём – возьмём, – утешал он меня.

Приехала, легла в больницу. Долго меня обследовали, тогда ведь не было такого оборудования, как сейчас.

И вот подходит ко мне медсестра и просит, чтобы я всегда предупреждала, если куда-нибудь выхожу. Я насторожилась и, когда она с поста отошла, в историю болезни заглянула: у меня внематочная беременность под вопросом. Боялись, видимо, что либо выкидыш случится, либо кровотечение начнётся, потому и просили говорить, где я.

Страшно было. При всей моей, внучка, храбрости страшно.

– И? Что было дальше?

– В итоге диагноз не подтвердили. И вот еду я в автобусе назад. Солнышко светит. Знаешь, мне тогда казалось, что я самая счастливая на свете! Мне хотелось открыть окно и громко-громко закричать:

– Люди, у меня ребёнок будет! Я мамой стану! Я счастлива-ва-я! Никогда не забуду те ощущения...

Бабушка замолчала. Лишь сверчки продолжали тихую свою песню.

– Но так страшно, как тогда, мне никогда не было... – закончила она свою историю и устало посмотрела в окно, где

последний луч солнца спешил спрятаться за облака.

#3

– Бабушка, помнишь историю о том, как ты соседку Лидку мокрой тряпкой отхлестала? Ты обещала рассказать.

Внучка-студентка сидела, положив голову бабушке на плечо.

– Внученька, не заставляй свою пожилую родственницу вспоминать грехи прошлых лет.

– Бабушка, грехи прошлых лет – это угон мотоцикла. А это так, мелочи...

Бабушка хмыкнула.

– Ничего мы не угоняли... Так, в кусты спрятали. К слову, тяжёлый был, зараза. Еле дотащили до ближайших камышей. Ладно, держи историю.

Бабушка традиционно замолчала, а потом начала повествование.

– Училась я в школе, как, собственно, и все дети. И была у меня одноклассница, Лидкой звали. Уж не помню, почему мы поругались, но стала она про меня сплетни распускать. Прознала я про это и решила отомстить. Как? Да дежурить напросилась с ней вместе. А там взяла мокрую тряпку, объяснила, за что наказываю (я ведь человек честный) и отхлестала от души.

Нет, внучка, я понимала, что кара меня настигнет. Поэто-

му, закончив хлестать уже белую от мела и мокрую от воды Лидку, я побежала домой. Там залезла на наш высоченный деревянный забор и стала ждать. К слову, ждала недолго, так как Лидка тоже побежала домой, и вот уже передо мной стоит её мама.

– А ну слезай, негодница!

– Не слезу, – заявила я, поправила юбку и продолжила смотреть сверху вниз на красное от гнева лицо тёти Маши.

– Слезай!

– Ещё чего! Лида за дело получила, она про меня сплетни распускала!

Твоя прабабка хворостину в тот день достала, конечно, куда ж без этого. Но и смеялась потом очень и очень долго. А с забора я, к слову, так и не слезла. Сидела до прихода мамки, и как только упорства хватило! Вот такая история.

#Диалоги_из_науки

Научный руководитель и студентка, понимая, что при взгляде на курсовую работу у них двоится в глазах, сделали перерыв на чай.

– Скажите, вы мечтали преподавать?

– Да. Правда, в школе. Но там я какое-то время и работала, пока дальше не стала учиться. Ой, помню, поступила я в аспирантуру в другой город, и там меня пригласили поучаствовать в своего рода летней школе. То есть были лекции и различные мастер-классы за городом. Преподаватели – видные деятели науки. Я там никогда не была, подумала, что нельзя упасть в грязь лицом, и одежду взяла соответствующую. Брюки, юбки – всё классическое. И туфли, куда же без них. Приезжаю я туда и понимаю, что все (включая профессоров) ходят в шортах, футболках и сланцах, все занятия на свежем воздухе, а не в здании. Но всё это можно было бы пережить, если бы не злосчастный поход на речку...

– И что же там произошло?

– Пришли мы, и тут дождь начался. А чтобы вернуться, нужно было влезть на уже ставшие скользкими берега (речка находилась под холмом). И мало того, что мои лодочки в песок проваливались и я ото всех отставала. Так я ещё и скатывалась по глине! Сделаю 2 шага – и качусь вниз! С тех пор в архивах есть видео, как два профессора в шортах тянут

меня, уже порядком чумазую, наверх, а я скатываюсь вниз...

– Зато какие у вас воспоминания!

– Сейчас да, мне смешно. А в тот момент, когда я висела между двух профессоров, то думала лишь о том, как сейчас страдает моя бедная репутация... Ладно, давайте дальше писать.

#Подслушано_на_парах

Все эти цитаты были собраны на парах. Каждая из них записывалась в блокнот, чтобы стать частью этой книги. Вам, наверное, покажется, что им здесь не место... Но это тоже диалоги. Это диалоги со студенческим разумом, который зачастую находится в сонном состоянии.

#Истина

#Девочки, как можно чаще улыбайтесь! Пока вы улыбаетесь, вы молодые!

Ковалев

#Любовь не бывает зря. Она всегда делает человека другим. Это дар, богатство жизни.

Никонова

#Чтобы вас не напугало неведомое, посмотрите на него первыми.

Козюра

#У романтиков такое выражение лица, как у вас сейчас, называется мировой скорбью. Только учтите, что они обычно плохо заканчивали...

Тихонова

#К людям надо идти с добром. Жизнь потом вас сама по-

правит.

Фролова

#Мы живем в мире, где сложно поверить, что человек к человеку может относиться нормально.

Ларин

#Давайте бодриться и представлять, что жизнь прекрасна. Глядишь, она поверит и изменится.

Фролова

#Жизнь_боль

#Вы сейчас не расстраивайтесь. Вот посмотрите на оценки и тогда расстроитесь!

Фролова

#Я буду сурова и беспощадна, как сама судьба.

Швецова

#Не смотрите с завистью в коридор, мы уже заканчиваем!

Козельская

#Вы должны понимать, что мое эмоциональное здоровье находится в ваших руках. Будете плохо писать конспекты уроков – я буду расстраиваться.

Фролова

#Мы так скоро к наскальной живописи перейдем. Не верите? Мы же сутками с дощечкой разговариваем: «Окей, Гугл!»

Кольцова

#Закон сохранения энергии: мало студентов – много мела.

Чуриков

#-Извините, а как будет проходить зачет?

–Безжалостно.

Фаустов

#-На следующей паре будет блиц-опрос!

–По чему?

–Почему? Потому что инквизиция развивается и становится всё изощреннее!

Тихонова

#Жизнь – боль, когда у студентов знаний ноль...

Верещагина

#У меня порочный круг: учишь, учишь, а потом в конце семестра получаешь...

Верещагина

#Как про деньги заговорили, сразу народ потянулся. А если бы за налоги речь вели, никого бы не было.

Зюсюков

#Мало того, что вы умудрились проснуться на лекции, так ещё и других будите!

Тихонова

#О вкусах не спорят. О них орут и ругаются.

Стернин

#Википедия знает всю горькую правду о нашей жизни.

Житенев

#Есть женщины в русских селениях! Холодные, голодные,

без столовой...но на парах!

Припадчев

#Я считаю, что посещение занятий должно быть свободным. Но когда оно становится слишком свободным, я начинаю отмечать...

Розенфельд

#Филологическое

#Вы серьезно считаете, что в слове «выезд» всё слово – корень? Не пугайте меня, я впечатлительный.

Чуриков

#Маленькие части в нашей компании называются главы.

Тихонова

#Слушайте, лингвисты...Вы лингвисты, или вы претворяетесь?

Тихонова

#У вас у всех получается только одна транскрипция – воронежская. У нее одно правило: никаких правил! И о ней знают только студенты филфака...

Чуриков

#Слово «экзистенциализм» вы в контрольной так написали, как я никогда и не выговорю!

Филюшкина

#Знаете, как бесплатно получить самый лучший словарь? Попросите подарить его вам на день рождения!

Стернин

#Ковалёв

#Не бери ручку в рот, проглотишь! Чего смеешься? Одна дама сапоги переобувала: один в руке держала, второй в рот взяла. Раз, и проглотила! Эта история в итоге хорошо закончилась, но все же...

Ковалев

#Эпилог

Я хочу вернуться в родную школу. В ту самую, где шумят ветвями молодые берёзки, стоит деревянный забор в палисаднике, а полы выкрашены масляной краской. Я приду туда с букетом полевых цветов, поднимусь на второй этаж. Задержусь на пару минут на лестничном пролёте, вспоминая свои школьные годы, а потом пробегу через коридор, чтобы у порога кабинета вновь остановиться. Там будут всё те же старые парты, а на учительском столе будет выситься стопка проверенных тетрадей. Я долго-долго буду смотреть на цветы на подоконниках, на склонённую над журналом женскую фигуру. Такую знакомую. Такую родную. А потом я, набрав в лёгкие как можно больше воздуха, переступлю через порог и скажу те три слова, которые так давно хотела произнести вслух:

– Здравствуйте, Елена Николаевна!

Вы обернётесь, а я...я, наверное, расплачусь. Потому что мне вас не хватает.

Я писала вам письма, помните? Весь 1 курс писала. А потом...потом мама сказала, что нельзя вас отвлекать. Я перестала покупать конверты, но исписанные кривым почерком листы раз за разом ложились в стол, чтобы там спрятать всё то, что я хотела вам рассказать. Вам, Галине Анатольевне, всем моим учителям, которые были рядом и помогали встать

на ноги. Знаете, во сне я часто читаю вам эти письма. Такие наивные и такие... настоящие.

Я обещала маме, что не буду отправлять вам письма. Поэтому я отправлю вам книгу. Быть может, в тот момент, стоя на пороге вашего кабинета с букетом полевых цветов, я буду держать в руках и её тоже.